

манеж в «октябре» / manege in «octyabr»

МІФЫ ДАТЦЫ

МОСКОВСКИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КИНО
ФЕСТИВАЛЬ
21.06 – 30.06.2012

#4

(94)

КАРЛОС БЛАНКО
В Испании часто можно
встретить собак, которых
зовут Троцкий

CARLOS BLANCO
In Spain you often come across
dogs called Trotsky

АКУ ЛОУХИМИЕС
Мы ищем любви
не только в Финляндии,
но и по всему миру

AKU LOUHIMIES
We are looking for love,
and not merely in Finland,
but worldwide

ЮНЬФАНЬ

– герой персональной
ретроспективы 34 МКФ
«Краски души»

ОДИНОКИЙ ОСТРОВ
ÜKSIK SAAR

стр. 3

АПОСТОЛ
O APOSTOLO

стр. 4

170 ГЕРЦ
170 HZ

стр. 4

АНА-БАНА
ANA-BANA

стр. 5

ЗАВТРА
TOMORROW

стр. 7

Жюри/ Марина Разбежкина

МИР ПЕРЕД НЕЙ

Это звонкое имя – Разбежкина – прозвучало на всю страну совершенно неожиданно: матерый документалист, исколесившая всю Россию вдоль и поперек в поисках сюжетов, как странник – с посохом – сначала с шестнадцатимиллиметровой, потом HI-8, а потом HD камерой, вдруг отвергла изначальную сырую фактуру жизни, которой любой уважающий себя кинодокументалист кормится, как хлебом, и показала миру нечто принципиально иное. Да такое, что этот мир – в лице сначала зрителей Московского кинофестиваля, а потом еще десятка фестивалей – определил для себя как «разбежкинское». Разбежкинское, а ни чье иное. Сочетание вот всё той же терпкой прозы жизни, чем пряней, тем лучше, чем грубей – тем лучше тренируется рука и наращивается режиссерский мускул, – с неожиданным для такого материала поэтическим возвышением, прорастанием из всё того же, привычного для документалиста «сора» в законченный визуальный орнамент. Все это мы увидели в ее дебюте «Время жатвы», где натуральность режиссерского взгляда не мешала почти былинному остраннению материала. Это сочетание так поразило всех, что Марине Разбежкиной только и оставалось, что колесить по всем континентам и собирать бесчисленные призы разной пробы. Вслед за этим последовала недооцененная и потому прошедшая чуть менее громко картина «Яр» – редчайший пример фольклорного эпоса, навеянного прозой молодого Есенина, в котором это «разбежкинское» усилилось еще больше, а союз с поразительным оператором Ириной Уральской окреп еще сильнее.

Но этим брэнд «Марина Разбежкина» отнюдь не исчерпывается. К счастью для тех, кто смог перенять у Разбежкиной азы мастерства в постоянных тренингах ее мастерской.

И, я думаю, к несчастью – для расширения фильмографии игровых картин Разбежкиной: их так и осталось на сегодняшний день только две. Ведь все остальное, что накапливалось, щедро выплескивалось в лекциях, мастер-классах, вскормивших множество таких же новых «ловцов людей» с камерой наперевес. И уже не с камерой, а с обыкновенным айподом или просто мобильником, торчащим из заднего кармана джинсов. «Разбежкинцы» – сегодня такая же привычная категория новых русских документалистов, как некогда – «соловьевцы» из Казахстана, или «герасимовцы». Их узнаешь сразу, им свойственна какая-то особая жадность до жизни, желание слиться с ней до неразличимости, чтобы нашему мутному стершемуся зрительскому взгляду придать необходимый фокус. А главное, что они ищут и обязательно находят – это «сто пудов человеческого», в поисках которого Марина Александровна Разбежкина пребывает почти постоянно.

Петр Шепотинник

MARINA RAZBEZHKINA

Jury

Quite unexpectedly the resonant name «Razbezhkina» echoed throughout the country. The seasoned documentary filmmaker who traveled all over the country in search of stories – like a pilgrim with his staff – first with a 16 mm camera, then with an HI-8, later with an HD, suddenly rejected the raw reality of life, which is daily bread to any respectable documentary director, and unveiled to the world something entirely different. It was so unique that the world in the face of the viewers of the Moscow

Film Festival and later of a dozen other festivals defined it as «Razbezhkina's cinema». Razbezhkina's and no one else's. It is the combination of the same rough prose of life – the cruder the better, the more exercise for the director's muscles – with an unusual poetic sublimity growing from the «litter», familiar to any documentary filmmaker, into a completed visual ornament. We saw it all in her debut «Harvest Time», where the director's natural gaze did not prevent an almost epic detachment. Everyone was so amazed that Marina

Razbezhkina had no option but to travel from continent to continent collecting innumerable prizes of varying value. It was followed by the underrated and, by consequence, less conspicuous film «Ravine», a rare example of a folk epic inspired by young Yessenin's prose. Here «Razbezhkina's cinema» became even more clearly defined and the collaboration with the remarkable director of photography Irina Uralskaya grew even stronger.

But there is more than that to the trademark of «Marina Razbezhkina».

To the benefit of those who could absorb the basics of her mastery during her repeated workshops.

And, I suppose, to the detriment of Razbezhkina's feature filmography, which still counts only two entries. Because everything else that had been

accumulated, was generously poured out in lectures and master-classes, that have nourished many similar «people catchers» with the camera at the ready. Or even with an Ipod or a usual cell-phone in the back pocket of the jeans. Today «Razbezhkina's pupils» are a no less familiar category of documentary filmmakers than were «Gerasimov's pupils» or «Soloviev's pupils» from Kazakhstan. They are readily recognizable by their lust for life, their desire to blend with it to the point of complete indistinguishableness to provide the necessary focus for the cloudy faded gaze of the audience. But the most important thing that they look for and find is the vibrant human life which Marina Alexandrovna Razbezhkina is searching for almost incessantly.

Pyoer Shepotinnik

LONELY ISLAND/ ÜKSIK SAAR

COMPETITION Dir. Peeter Simm

In this review I will often allude to the classics. Pushkin's phrase about the mixture of French with the Nizhegorodsky dialect comes to mind too often when you are watching «Lonely Island»: so unusual is the combination of the familiar national «image» (some of the events take place in Byelorussia) and a foreign language, or rather a foreign frame of mind. It is not even Baltic. It is absolutely specific, extra-terrestrial. Complex relations link numerous characters, everyone is connected to everyone else (the father, a taxi-driver, is a witness in another's criminal case, is still another's old friend and the fourth one is his chance client...). At this point we start drifting towards Tolstoy, recalling something about the «dialectics of the soul» and the general concept of «War and Peace», the «family thought» and «the people's thought» in the novel... It is well known that Tolstoy's «peace» does not refer only to the state opposite to war, but to the entire society, since the Russian word for «peace» has the second meaning of «world». And if we further recall that «all happy families are happy in the same way but each unhappy one is unhappy in its own way», then... That's enough. Let's stop here. But please forgive me my philosophical digressions. No, the movie is not an academic one, on the contrary, frequent changes in situations add dynamism and it is really interesting to watch the goings-on, this insanity of life. It is no secret that even intellectuals are easily addicted to soap operas, once they have tasted the drug, and «Lonely Island» is far from the mindless «soap». But the shadow of Leo Tolstoy lurks once too often. An aged professor of literature, looking in vain for his dog Vronsky, tirelessly explains to schoolchildren the mysteries of «Anna Karenina» and we will see «the Karenins» themselves more than once. It seems that almost every other character wishes to throw himself under the train and the frightened engine-driver runs to the tracks to find a weird survivor or a cellphone with a shocking video. These experiments in self-mutilation are carried out by Peeter Simm with a touch of humor: a disabled man, who jumps from a moving train, survives, but his prosthesis is carried away caught in the automatic doors. But seriously, the railways play a key role in the movie. It is another thread, a steel one, connecting these alienated people who would not hear and understand each other. And here we can feel something familiar, native: our own expanses linked only by railways, some Baikal-Amur Railway Line which failed to become a source of life... Horrifying words «exclusion zone» refer to the space along the embankment. This «exclusion zone» is found between the closest relatives. No one wants to hear and understand anyone lese. The daughter blames her mother for her mutilation and would not forgive her. The son who would not let his sick father have his kidney. Injuries, accusations of relatives, their jealousy – these are the main themes. It is amazing that all these problems find a reasonably happy solution, although subconsciously we've been praying for a happy-end all along, almost like in a soap opera.

The last classic whom we will recall, will be Ray Bradbury and his «butterfly effect». The varied world created by Peeter Simm is just as fragile and dependent on the slightest careless touch...

Igor Savelyev

ОСТРОВ

КОНКУРС Одинокий остров (Üksik saar)/ Реж. Пеэтер Симм

В этой рецензии будем часто вспоминать классиков. Пушкинскую крылатую фразу «смесь французского с нижегородским» при просмотре «Одинокого острова» вспоминаешь, пожалуй, даже слишком часто: так странно поначалу привыкнуть к этому симбиозу вполне отечественной «картинки» (происходящее отчасти разворачивается в Белоруссии) и чужого языка, даже так – чужого образа мыслей. Нет, не прибалтийского. Какого-то абсолютно самобытного, «инопланетного». Многочисленные герои находятся в сложных взаимоотношениях, притом – все со всеми (отец одного, таксист, оказывается свидетелем по уголовному делу другого, старым другом третьего, а четвертую он просто случайно сажает в такси...), и здесь мы начинаем дрейфовать в сторону Толстого, смутно припоминая что-то про «диалектику души» и общую концепцию романа «Война и мир», «мысль семейную» и «мысль народную» в романе... Как известно, «мир» у Толстого означает не только состояние, противоположное войне, но и охват всего общества, того, о чем было принято говорить – «всем миром» (а филологи до сих пор спорят о написаниях «миръ» и «миръ» в дореволюционных изданиях). А уж если мы вспомним о том, что «все счастливые семьи счастливы одинаково, а каждая не-

счастливая несчастна по-своему»... Хватит! Довольно!

Но читатель должен простить мне эти филологические экскурсы. Нет, фильм не академичен, наоборот – частая смена ситуаций придает ему динамизм, и следить за происходящим – за этим безумием самой жизни – действительно интересно; как известно, даже людей с высокими интеллектуальными запросами легко засасывают мыльные оперы, если они пробуют этот наркотик, а уж «Одинокий остров» – никак не безмозглое «мыло». Но тень Льва Толстого возникает, пожалуй, даже слишком часто. Пожилой профессор-литературовед, безуспешно ищущий своего пса Вронского, не устает объяснять школьникам тайны «Анны Карениной», да и самих «Карениных» мы увидим не раз. Иногда кажется, что едва ли не каждый второй герой или героиня стремится броситься под поезд, и перепуганный машинист то и дело выбегает на пути, чтобы обнаружить там то странного типа, оставшегося в живых, то телефон с шокирующим видео на карте памяти... Эти членовредительские опыты совершены Пеэтером Симмом не без юмора: так, инвалид, прыгавший из электрички на ходу, останется в живых, а вот протез так и уедет, зажатый автоматическими дверями.

Но, кроме шуток, железная дорога здесь исключительно важна. Это еще одна ниточка, нет, стальная нить, связывающая всех этих разобщенных, не желающих слышать и понимать друг друга людей. И вот в этом как раз чувствуется что-то родное, отечественное: наши просторы, связанные только «железкой», какой-нибудь БАМ, вокруг которого так и не зародилась жизнь... Жутковатые слова «полоса отчуждения»: так называю пространство вокруг насыпи.

«Полоса отчуждения» проходит между, казалось бы, самыми близкими людьми. Никто не желает никого слышать и понимать. Дочь, обвиняющая мать в своем увечье и не желающая прощать. Сын, не желающий отдавать больному отцу свою почку... Увечье, обида за это на близких, зависимость от близких — это можно назвать лейтмотивом. И удивляешься тому, что все это разрешается вполне себе счастливо, хотя подсознательно молишь о хэппи-энде – почти как в «мыле».

А последним классиком, которого мы вспомним, будет Рэй Брэдбери с его «эффектом бабочки». Мир, созданный режиссером Пеэтером Симмом, при всем своем многообразии – столь же хрупок и зависим от самого легкого неосторожного движения...

Igor Savelyev

СУМЕРКИ

КОНКУРС Апостол (O Apóstolo)/ Реж. Фернандо Кортисо

Бетонный коридор подземных коммуникаций – долгий путь на свободу для двух сбежавших преступников. Настолько долгий, что один из них, выбравшись на тусклый лунный свет, успевает передумать и совершает обратный побег – снова в тюрьму. Его напарник, оправившись от легкого шока, дальше отправляется ковылять по безжизненному лесу в одиночестве. Его греет мысль о несметных сокровищах, которые хранит одна пожилая женщина, проживающая неподалеку. По пути ему встречается человек с еще более темными намерениями – сухонький старикашка, опираясь на клюку, приводит его в полузаброшенную деревню. Жители здесь с кожей цвета пыли и на вид не сильно отличаются от мертвецов. Да и мертвецы не заставляют себя ждать – с наступлением темноты они устраивают своеобразный крестный ход, забирая на тот свет нерадивых путников, которых им любезно подсовывает местный пастор.

В паре с крепкой анимацией на мистический эффект работает музыка Филиппа Гласса и голос Джеральдины Чаплин, озвучившей одного из второ-

степенных персонажей. Дочка великого американского комика снимается в испанском кино уже больше сорока лет. Все помнят ее работу в «Поговори с ней» Педро Альмодовара, хотя «Апостол» скорее косвенно продолжает традиции «Приюта» Хуана Антонио Байона, в котором Джеральдина также появилась в одной из ролей.

Кортисо водит зрителя по кругу так же, как главного героя – по мертвому лесу. При желании можно обнаружить здесь мораль: сколько ни отправляй на свидание с мертвыми случайных пилигримов, рано или поздно отправишься вслед за ними. И даже легкую сатиру на служителей церкви. Но, как в любой угрюмой сказке, атмосфера здесь едва не важнее сюжета. А в меру запоминающаяся анимация в кульминации раздражается пятиминуткой настоящего буйства мрачных красок.

Кажется, Тим Бертон, гостивший на церемонии открытия ММКФ, рано-вато отправился домой. Его «Труп невесты» было бы о чем перекинуться парой слов с осмотровым вором из «Апостола».

Никита Карцев

РАЗОМКНУТЫЕ ОБЪЯТИЯ

ПЕРСПЕКТИВЫ 170 герц (170 Hz)/ Реж. Йост ван Гинкель

В этом фильме не говорят. И потому, что главные герои — глухонемые, и потому, что эти рассерженные молодые люди, даже если бы и могли говорить, не удостоили бы этот мир ничем, кроме движения среднего пальца.

Немота — самый простой и эффективный способ демонстрации пресловутого отчуждения между людьми. Преодолеть его может только прикосновение. Главным героям — юным влюбленным Нику и Эви — ничего, кроме него, поначалу, собственно, и

не нужно. Но родители Эви, комфортабельно проживающие в стеклянном доме-чайнике, превосходном образчике современной голландской архитектуры, полны звериной ненависти по отношению к независимому блондину в бутах и коже и не в силах представить свою дочь в его страстных объятиях.

Но страсть постепенно сгорает, и два великолепных тела уже с трудом уживаются вместе, взяв от жизни все и оставшись наедине в ржавых интерьерах выплюнутой на мель подлодки — в таком местечке,

как ни старайся, долго не проживешь. Возвращаться в мир герой не планирует, в отличие от забеременевшей героини, в большей степени привязанной к прелестям этой жизни и однажды в детстве даже уловившей прекрасный ее звук. Режиссер нарочито растягивает картинные моменты телесных взаимодействий (отчасти и для того, чтобы растянуть метраж: этот фильм явно лучше бы себя чувствовал в формате короткометражки): пусть молодежь побалуется, недолго уж ей осталось.

Но игры играми (герои самозабвенно обливаются мочой и краской). Они способны лишь отсрочить агонию и смерть, к которой Ник неустанно готовится и стремится. Твердолобый максималист, он жаждет вечной любви, а таковая, как известно, случается только на небесах.

Стас Тыркин

КАРУСЕЛЬ

ПЕРСПЕКТИВЫ Ана-Бана/ Реж. Эдуард Оганесян

С первых же кадров этого доброго фильма соглашаешься с характеристикой из фестивальной аннотации: «Комедия положений в духе грузинского кино 1970-х», но с единственной поправкой: эта традиционная грузинская кино-доброта оказалась подкорректирована как нашей жесткой эпохой, так и более жестким киноязыком современности. Это тогда, в семидесятых, в грузинских короткометражках было то, что очень точно однажды описал Сергей Довлатов, рассказывая о несостоявшемся сценарии в книге «Ремесло»: несется поезд, вдруг

который потом так и станет путешествовать из дома в дом, вопль пострадавшего: «А где кольцо?!» – и т. д. Остаток фильма Армик (так его зовут) так и будет ходить с рукой, намертво привязанной к животу, чуть ли не вживленной, «потому что палец должен находиться в родной среде», и в этом есть что-то от человека, замуровавшего себя в кувшин в известном фильме. Мило, трогательно, но все-таки – отрывает палец.

Финальная же сцена, также оставаясь «грузинско-короткометражной» по форме (104-летнюю бабушку привезли

буквально лепятся друг к другу, как пчелы), дружна и весела, все поминутно выбегают во двор и призывают соседей в свидетели своих ссор, – то громко мирятся, то почти дерутся (что делать, если муж ревнует жену к портрету комиссара Катани). Развлечения мужчин невинны: просмотр порно («Почему египетская царица говорит по-немецки?»), запрятанного в коробку от «Микки-мауса», и максимум из взрослых шуток, что может позволить себе режиссер в этой связи, это судорожная сублимация зрителей – в двойных кавычках – «Микки-мауса» с помощью резинового тренажера для кистей рук.

Собственно, фильм не об этом, а о взрослении и возмужании десятилетнего мальчика Нико, у которого всё как положено: робость перед соседской девочкой, побег из дома, из-под опеки бабушек и тетюшек, с целью испытать себя – учиться разжигать костер, жарить мясо... Впрочем, нет, не всё. Дед пытается воспитать из мальчика сапожника, продолжателя своего дела, тогда как сам Нико ночами, в своих снах, дирижирует оркестром, и не исключено, что пишет стихи. По крайней мере, озвученные взрослым голосом взрослые раздумья, которые закадрово сопровождают его на протяжении всего фильма, возвышены и лиричны, но не лишены при этом симпатичного эффекта живой речи («Ты моя рана, которая я не хочу, чтобы зажила»).

Все закончится хорошо. Нико победит робость, энурез, стачает сапоги на радость бабушке, и даже, может быть, станет когда-нибудь дирижировать оркестром.

Игорь Савельев

РЕКОНСТРУКЦИЯ

УГОЛОК КОРОТКОГО МЕТРА

Сирокко (Shluq)/ Реж. Хишам Бизри

– Ваш фильм сделан не очень традиционно – он перемонтирован из другого фильма. Почему вы решили сделать его таким?

– Это второй из тех моих фильмов, который я делал как реконструкцию известных кинолент. Здесь в основу лег известный египетский фильм, который не кажется мне удачным, хотя существует некий консенсус, что это замечательное кино.

– То есть, это заявление?

– Кинематографическое заявление. Оно действительно связано с моими кино-предпочтениями – в частности, с моим увлечением ранним американским авангардом. Например, Джозеф Корнелл – он перемонтировал фильм, снятый в Бразилии, для своего брата-инвалида, чтобы его развлечь. Корнелла называют прародителем американского авангарда, Брекидж начинал у него оператором. У меня было желание взять что-то, что кажется мне банальным, и сделать это интересным. Все в жизни может стать интересным при правильной аранжировке.

– Как выглядел оригинальный фильм? Я задаю этот вопрос, потому что, боюсь, не каждый русский зритель его видел.

– Это картина, снятая в Египте в 1969 при участии Росселини. Режиссер, поставивший его, был художником по костюмам. Это фильм об украденной мумии. И он стал культовым. Он очень медленный, поэтический – но, на мой взгляд, утомительный. Как драматическая история он не состоятелен. Я переделал его, занимаясь новым монтажом и пост-продакшном. И даже кое-где вставил цифровых птиц. Там есть эпизод, где один человек преклоняется перед другим, и в кадре пролетают две птицы. Так вот, их раньше там не было. Женщины в пустыне и кое-какие лошади – тоже добавленные мной кадры. Я очень люблю голливудские фильмы тридцатых-сороковых годов, в первую очередь потому, что они были сняты на студиях. Я люблю работать в павильоне, люблю создавать декорации. Мне не нравится снимать реальность – не чувствую, что это моя сильная сторона. И «Сирокко» – это мой восемнадцатый короткометражный фильм – отражает это желание создавать все в кино своими руками. Если бы я мог, я бы даже актеров сделал сам, если честно.

Интервью вела Наиля Гольман

машинист начинает тормозить, кое-как этот тяжеленный состав останавливается – через рельсы переползает майский жук. Взгляд режиссера Эдуарда Оганесяна чем-то родствен такому подходу (хотя и не настолько оригинален), но не совсем таков по духу. В первом же эпизоде этой комедии положений человеку, который пошел выливать помой, отрывает палец. Все происходящее как-то мило, смешно и трогательно: перепуганные звонки родни профессору, транспортировка пальца в холодильнике,

хоронить в деревню, а она оживает, ее сажают под траурный портрет и превращают поминки в именины), по духу дрейфует и вовсе в какие-то другие степи, попросту мутирует на глазах, заставляя вспомнить уж скорее Линча, а не Габриадзе. Поминки-именины перерождаются в какой-то безумный матч по регби, с эффектно снятой трагической развязкой...

Вообще, «Ана-Бана» хороша для семейного просмотра. Жизнь четырех поколений, ютящихся в крохотной комнате (ночью все

ЖАЖДА ЖИЗНИ

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОКАЗЫ Черные кошки в бамбуковых зарослях (Yabu no naka no kuroneko)/ Реж. Канэто Синдо

29 мая 2012 года не стало Канэто Синдо. А месяцем раньше он отметил свое столетие. И 75 лет этой удивительной жизни было отдано кино. Император лично вручил ему Орден Культуры, которым в Японии награждают лишь одного человека в год за особые заслуги в искусстве, литературе, науке (из «киношников» его удостоивался лишь Акира Куросава). Сейчас даже трудно представить, что Синдо успел поучиться мастерству у легендарного Мидзогути. Правда, прежде чем он снял свой первый фильм «Повесть о любимой жене» (1951), прошло почти 15 лет. В России же про Синдо узнали еще десять лет спустя, когда в 1961 году «Голый остров» получил Большой приз Московского кинофестиваля. Удивительно, что эта отнюдь не мейнстримовская, практически немая картина до сих пор остается в памяти людей, даже не имеющих отношения к кино.

С тех пор Канэто Синдо стал неотъемлемой частью Московского фестиваля. Дело не только в том, что его картины неоднократно участвовали в конкурсе и еще дважды побеждали («Обнаженные девятнадцатилетние» в 1971 году, «Жажда жизни» в 1999-м), а в 2003 году на открытии XXV МКФ Канэто Синдо был вручен приз «За выдающийся вклад в мировой кинематограф». Просто он любил Россию и при всякой возможности старался приехать в Москву. Пусть даже в инвалидной коляске. А если не мог сам, то командировал внучку-режиссера или сына-продюсера, или писал приветственное послание. Наверное, знал, что и его здесь любили и ждали, потому и привозил сюда почти все свои фильмы последних лет, и не важно, что не все в конкурсную программу. Даже когда болел, не мог сам снимать и был вынужден поручить режиссуру своему ученику Ясухиро Ямамото,

он позаботился, чтобы москвичи увидели снятый по его сценарию фильм «Военный корабль, который ходил по суше».

«Черные кошки в бамбуковых зарослях» – не самая известная работа режиссера, зато в ней можно увидеть многое из того, что Синдо считал для себя главным в кино.

По формальным признакам картину, вероятно, следует отнести к категории «историй с привидениями». Но это лишь внешняя оболочка. Главный же смысл, так сказать, «message» картины в ее антивоенном пафосе. Это вообще одна из главных тем для Синдо (достаточно вспомнить «Детей атомной бомбы», «Счастливого дракона номер пять» или последний фильм режиссера «Открытка»). Здесь с первых минут война предстает стихией, бессмыслицей. На опушке леса стоит полуразвалившаяся хижина. Из-за деревьев появляются вооруженные люди. Они как мухи облепляют ручей, «всасываются» в дверь домика, налетают на жалкую еду, уничтожают ее, а потом и двух хозяек, и всё так же молча возвращаются обратно в лес. Кто они? За кого или за что воюют? Разве это важно? Ведь перед нами саранча, стихийное бедствие. В первый момент даже кажется, что ничего не произошло, буря промчалась мимо, домик и его мирок уцелел, но нет: из-под крыши показался зловещий дымок. И так, мать и жена убиты (а у Синдо жизнь всегда ассоциируется с Женщиной), но в живых остался их сын, Герой. Так ведь и этот крестьянин, которого забрали воевать прямо с рисового поля, героем стал лишь потому, что очень хотел вернуться домой и не мог себе позволить погибнуть. В награду за доблесть он получил сожженный дом, новое звучное имя, звание самурая, и право рисковать жизнью ради своего господина, проявляющего доблесть в основном в отношениях с домочадцами, преимущественно женского пола. И вот теперь ему поручено уничтожить демонов (в них превратились его мать и жена), которые, в свою очередь, поклялись уничтожить всех самураев.

Так что же остается? Ответа на этот вопрос в «Черных кошках» нет, зато он будет дан намного позже в «Открытке», когда доведенные войной до последней степени отчаяния Женщина и Мужчина на месте пепелища начнут возделывать новое поле.

Мария Теракопян

СОЛНЦЕ НЕСПЯЩИХ

ХОРОШИЕ, ПЛОХИЕ, ЗЛЫЕ Четыре солнца (Styri slunce)/ Реж. Богдан Слама

– Ваши истории всегда происходят не в большом городе, не в центре, а где-то или на его окраинах, или вовсе в деревне...

– Содержательную историю можно отыскать везде. Мне по душе фильмы, так или иначе связанные с тем местом, где происходят экранные события. Меня не привлекают так называемые общечеловеческие сюжеты, которые можно поместить в какую угодно среду. Мне нравится, когда фильм связан с конкретными интересными людьми, с пейзажем, с реальной жизнью. У каждого места есть своя уникальная атмосфера. К тому же я очень ленивый. Отойти от дома даже на несколько метров для меня уже тяжелая работа.

– А вы живете в деревне?

– В маленькой деревеньке. И, конечно, всех там хорошо знаю. Поэтому быстро и легко провел кастинг: все кандидаты у меня под боком. Когда

я писал сценарий и мне было нужно продумать какую-то сцену, я просто вспоминал, как себя ведут мои соседи и знакомцы, поэтому все получилось очень быстро, довольно дешево и весьма эффективно. Обычные люди, оказывается, бывают хорошими актерами. Если предложишь им что-то сыграть, для них это естественно и не составляет вообще никаких проблем.

– А на жизни вашей деревушки как-то отразились все болезненные перемены, охватившие наши страны?

– Я бы не сказал, что что-то так уж сильно меняется вокруг. Я живу в очень традиционной части своей страны, там все еще существуют фермы, на которых работали и дедушки, и прадедушки, и прапрадедушки... Дело обстоит вовсе не так, что вот что-то глобальное произошло и все разом поменялось. Мне кажется, ситуация постепенно

ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА

КОНКУРС ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО Завтра/ Реж. Андрей Грязев

Любой разговор о современном протестном искусстве в России сводится к тому, что протеста в нем пока больше, чем собственно искусства. Но это явно не случай Андрея Грязева. Его фильм протестный только формально – в силу выбора главных героев, активистов арт-группы «Война», которые задолго до московских волнений в декабре 2011 года практически в одиночку открыто критиковали действующую власть. Зато с точки зрения кино он сделан на очень высоком уровне.

Грязев начинает с бытовых, почти интимных зарисовок. Группа товарищей, заряженных общей идеей протеста, замышляет очередную акцию. Так как никто из них толком нигде не работает, продукты приходится воровать в магазине, а игрушки крохотному сыну полка по имени Каспер добывать на помойке. Впереди у них – несколько акций (самая громкая – «Дворцовый переворот», с перевернутым полицейским автомобилем прямо на Дворцовой площади). Арест двух активистов и последовавшая за ним мимолетная международная слава (по слухам, деньги на выплату залога передал из Лондона легенда стрит-арта Banksy). А затем – почти полное забвение.

Фильм Грязева – последний

шанс арт-группы «Война» остаться в истории художниками, а не кучкой интеллигентных на вид бездельников, волею случая записавшихся в жертвы режима – хотя и не без помощи самого режима, объявившего художников ни много ни мало в федеральный розыск.

Впрочем, активисты «Войны» уже успели поднять несколько скандалов в СМИ, протестуя против способа Грязева смотреть на мир, и даже написав несколько жалоб в суд с требованием отменить публичные показы фильма. Сильный ход художников, в пик этой самой судебной системе совершавших не одно административное правонарушение.

Фильм заканчивается кадром зарисованного Литейного моста, с которого на здание ФСБ смотрит эпический фаллос авторства арт-группы «Война». Вот только кто кому на самом деле показал «fuck»? Гражданское общество – власти? С его Болотной площадью, проспектом Сахарова и белым движением. Или власть – гражданскому обществу? С задержаниями, разгонами и обысками у лидеров оппозиции.

Как говорилось в другом хорошем фильме совсем по другому поводу: «Я подумаю об этом завтра».

Никита Карцев

улучшается. У меня нет ощущения, что новые времена принесли только лишь разрушения.

– Деревня – довольно консервативный социальный организм. А что есть «хорошего, плохого, злого» в укоренившемся деревенском укладе?

– Всё определяют культура и воспитание. Скажем, все знают: воровать – это плохо. Давние, устоявшиеся традиции помогают людям поддерживать и сохранять хорошие отношения. С другой стороны, остались и какие-то, на мой взгляд, смешные, нелепые конфликты между теми, кто не способен признать право другого на его собственное мнение. Увы, в нашей национальной традиции есть и такое: «Да что ж это он о себе думает?!» Потому что «он» не такой, как «я». В деревне люди очень строго всех судят. Наверное, и в России все то же самое? И у нас молодежь бежит из деревень. Я вот учился в Праге пятнадцать лет, поэтому ощущаю себя горожанином, как и моя жена. Но десять лет назад мы переселились в эту деревушку, потому что всегда мечтали о чем-то подобном. Мы живем не-

далеко от столицы, около девяноста километров, час езды на автобусе. За эти десять лет четыреста семей приехали в нашу деревню, уже здесь у многих родились дети. Так что жизнь у нас снова начинается. И я ни за что никуда не уеду.

– В «Четырех солнцах» огромную роль играют разные камни...

– Да, камни во многом определяют мою жизнь.

– А в чем значение фигуры шамана в фильме?

– Шаман Карел – лекарь. У вас в Сибири таких много. Я-то не шаман, у меня нет подобных способностей. Но я знаю, что такие люди есть, и уважаю их. В каждом из персонажей фильма есть что-то, что мне очень близко, даже в женщинах и детях. То же самое и в отношении Карела.

– Как вы нашли всех этих изумительных людей – и героев фильма, и их исполнителей?

– Да я и сам не понимаю. Получилось как-то само собой. Отец – это не я. Конечно, я приглядывался к людям моего возраста, к тому, как они ведут себя с детьми. Я нашел в себе и в своем поведении множество ошибок, увидел их и в других. Этот персонаж не какой-то конкретный человек, а сочетание многих характеров. К тому же немного гиперболизированный образ, вымышленный. У нас ведь игровой фильм.

– Как вы думаете, чудеса сбываются только для тех, кто в них верит?

– Это вопрос надежды. Мой сын погиб в автокатастрофе, и потом я писал этот сценарий... Мне просто хотелось как-то остаться с ним. Я неверующий человек, но мне хотелось почувствовать, что его дух существует, остался со мной. Дело не в религиозности, а в надежде.

– А вы-то в чудеса верите?

– Как и все атеисты. Кто-то борется с Богом, но богоборчество и означает, что Бог где-то существует. Я неверующий в том смысле, что не принадлежу ни к одной конфессии, ни к одной религии – не христианин, не буддист... Думаю, у духа есть свое существование, которое мы должны принять.

– А могут ли люди старшего поколения предостеречь молодежь от ошибок?

– Мой опыт очень простой. Мы как родители можем лишь стараться быть как можно лучше. Ведь все просто: дети смотрят на нас. Слова сами по себе не имеют большого значения. Дети смотрят и видят всё, что и как мы делаем. И если вы их по-настоящему любите, то всегда есть шанс, что они вас примут.

Интервью вели Ася Колодижнич и Петр Шепотинник
Роттердам-2012

THE APOSTLE/ O APOSTÓLO

COMPETITION Dir. Fernando Cortizo

The concrete corridor of underground communications is the two convicts' long way to freedom. It is so long that one of them, having reached the bleak moonlight, changes his mind and escapes back to jail. After getting over the shock his companion continues his lonely limping walk through the lifeless forest. He feels comfort at the thought of uncountable treasures kept by a certain woman living nearby. Along the way he meets a man with even darker intentions. The bony old man with a walking stick takes him to an abandoned village. The villagers, whose skin is the color of dust, look cadaverous. The dead don't take long to appear: at dusk they hold something like a religious procession, taking with them the hapless wayfarers, kindly provided by the local pastor.

In addition to quality animation the mystic effect is achieved thanks to Philip Glass's music and the voice of Geraldine Chaplin as one of the supporting characters. The daughter of the great American comedian has been acting in Spanish movies for more than 40 years. One of the most successful works is undoubtedly Almodovar's «Talk to her», but «The Apostle» seems to continue the traditions of «The Orphanage» by Juan Antonio Bayona, where Geraldine also played one of the characters.

Cortizo leads his viewer in circles just like his protagonist in the dead forest. If need be, a message could be proposed: however long you might be sending chance pilgrims to meet the dead, sooner or later you'll follow in their footsteps. Or even a light satire of the ministers of the church. But like in any grim tale, the atmosphere here is at least as important as the plot. The moderately memorable animation fragment at the time of climax explodes with five minutes of rampant dark colors.

It seems like Tim Burton, who was a guest of the opening ceremony of the MIFF, returned home too early. His «Corpse Bride» would have found what to chat about with the prudent thief of «The Apostle».

Nikita Kartsev

170 HZ

PERSPECTIVES Dir. Joost van Ginkel

Nobody speaks in this movie. First of all because the protagonists are deaf-mute, and secondly even if these angry young men could speak, they would not deign this world with anything but a certain movement of the middle finger.

Muteness is the simplest and most effective way of demonstrating the notorious alienation between people. Only a touch can beat it. At first the protagonists, young lovers Nick and Evi, do not need anything else. But Evi's parents, living their comfortable life in a glass teapot house – a perfect specimen of modern Dutch architecture – are filled with animal hatred towards the independent blond in leather and football boots and cannot imagine their daughter in his passionate embrace.

But passion gradually burns itself out and two fabulous bodies find difficulty living together. They have taken everything from life and are left alone in the rusted interiors of the submarine, spitted out onto the sandbank. However hard one might try, it is not a place to live for a long time. He does not plan to return to the world in contrast to the pregnant girl, who is more attached to the delights of this life and once, while still a child, even managed to hear its beautiful sound. The director intentionally drags out picturesque scenes of their corporal interaction (partially to stretch out the footage: this

movie would have been better off as a short): let the youngsters fool around, they don't have much time left.

But games are just that: games (the characters enthusiastically pour urine and paint over themselves). They can only put off agony and death for which Nick is constantly getting ready and which he desires. A diehard maximalist, he lusts for eternal love which, as is common knowledge, happens only in heaven.

Stas Tyrkin

ANA-BANA

PERSPECTIVES Dir. Eduard Oganessian

From the very first scenes of this affectionate movie you find yourself agreeing with the festival summary: «A sitcom in the spirit of the Georgian cinema of the 1970s». But there is a minor amendment: this traditional Georgian filmic kindness has been modified by the cruelty of our epoch and by a more austere film language of today. It was back in the 70s that Georgian shorts offered situations similar to those very precisely described by Sergei Dovlatov, when he talked about an unrealized script in his book «Craft»: a freightliner is speeding up, suddenly the driver pulls the breaks, the heavy train manages to stop somehow and there is a cockchafer crossing the rails. Eduard Oganessian's mentality is akin to this approach (albeit not as original), but is not quite that in spirit. In the very first episode of the sitcom the man goes out to empty the waste bucket and gets his finger torn off. All the goings-on are charming, funny and touching: the frightened relatives ring up the professor, the finger is transported in a fridge, which will go on traveling from house to house, the shrieks of the victim: «Where is the ring?!» and so on. For the rest of the movie Armiik (that is his name) will have hand safely bandaged to his belly, almost implanted there, because «the finger must be in its native environment». This is reminiscent of the man who sealed himself up in a jug in the well-known film. It is charming, it is touching, but somehow the finger gets torn off.

The final scene, while it fits into the «Georgian short» parameters (104 year-old grandma is brought to the village to be buried, but suddenly she revives and is seated under the mourning portrait, thus turning the funeral into a birthday party), drifts in a totally different direction, mutating before our eyes, and calls to mind names like Lynch rather than Gabsriadze. The funeral/birthday party further develops into a madcap rugby game with an effectively shot tragic finale.

On the whole «Ana-Bana» is good for family viewing. The life of the four generations in a cramped room (at night they are almost on top of each other, like bees) is friendly and merry. Now and again they run out into the yard and call upon their neighbors to witness their quarrels. Noisy reconciliations alternate with near-fights (what can be done when a husband is jealous of commissar Catani on account of his wife?). Men's amusements are innocent: watching German porno («Why does the Egyptian Queen speak German?») hidden in a «Mickey Mouse» box. The greatest adult joke that the director allows himself is the sublimation of the viewer into – double quotes – «Mickey Mouse» with the help of a rubber wrist training device.

In fact this is not the theme of the movie, which is about the growing-up of a ten-year-old boy. Niko is just as he should be: he is shy of the girl next door, he runs away from home from Grandmas and Aunts to test himself, learn to light a fire and roast meat... Well, not exactly. Grandpa tries to bring him up as a shoemaker, who will carry on the family business, but at night in his dreams Niko conducts an orchestra and perhaps writes poetry. At least his reflections, voiced off-screen by an adult throughout the movie, are lofty and lyrical and at the same time

have the nice touch of natural speech («You are my wound and I don't want you to heal»).

Everything ends well. Niko will overcome his shyness and enuresis, will make a pair of boots to the joy of his grandpa and will perhaps conduct an orchestra some day.

Igor Saveliev

SIROCCO/SHLUQ

SHORT FILM CORNER Dir. Hisham Bizri

– Your film is made in a not very usual way – it is a rearranged footage of another movie. Why so?

– It's a second film I've made as a reconstruction. In this one, the background is a famous Egyptian film, which I don't consider to be a masterpiece, although it's a consensus that it's a great film.

– So, it's a statement.

– A cinematic statement, yes. It really mirrors my tastes in cinema. In particular, the early American avant-garde. For example, Joseph Cornell – he re-edited a Brazilian movie for his invalid brother, just for his fun. They call Cornell the father of American avant-garde cinema, Brakhadze started as his cameraman. I had a strong desire to take something that looks trivial to me and make it look beautiful. Everything in life can become interesting if you arrange it good.

– What did the original movie look like? I'm asking this question because, I'm afraid, not every Russian viewer has seen it.

– It was a film shot in Egypt in 1969, Rossellini took part in this project. The director of the movie was a costume designer/ This is a film about a stolen mummy and it had become a cult of some sort. It is very slow, poetic – but form my point of view rather tiresome. As a drama it's not working. I rearranged it, made new story and post-production. For example, I put in CGI birds in a couple of places, There's an episode where one man bows in front of the other, and two birds fly in the sky – well, there was no sight of them in original film. Women in the desert and several horses were put there by me, too.

I'm a big fan of Hollywood movies of 30's-40's period, firstly for the reason that they were shot in studios. I love working in the studio, love creating the setting. I don't feel like shooting reality, I know it's one of my weakest spots. And «Sirocco», which is, by the way, my eighteenth short film, represents this ambition to create everything on the screen with your own hands. If I could, I would make the actors with my hands too, to be honest.

Interview by Nailya Golman

KURONEKO/ YABU NO NAKA NO KURONEKO

SPECIAL SCREENINGS

Dir. Kaneto Shindo

The 29th of May 2012 was the day Kaneto Shindo died. A month earlier he celebrated his 100th birthday. 75 years of this astounding life were devoted to cinema. The Emperor personally awarded him the Order of Cultural Merit. In Japan this award is bestowed on one person per year for exceptional merits in arts, literature, science (among the filmmakers only Akira Kurosawa so far was honored with the decoration). It is hard to imagine that Shindo learnt his craft from the legendary Mizoguchi. Albeit 15 years elapsed before he directed his first film «Story of a Beloved Wife» (1951). It was another 10 years before his name became known in Russia: in 1961 «The Naked Island» took the Grand Prize of the Moscow Film Festival. It is amaz-

ing that this virtually silent film, which can hardly be called mainstream, is still remembered even by those unrelated to cinema.

Since that time Kaneto Shindo became an inseparable part of the Moscow Film Festival. It is not just that his movies repeatedly participated in the main competition and won the main prize two more times («Live Today, Die Tomorrow!» in 1971 and «Will to Live» in 1999) or that in 2003 at the opening ceremony of the 34th MIFF Kaneto Shindo received the award «For the Outstanding Contribution to World Cinema». He simply loved Russia and tried to use every opportunity to come to Moscow. Even in a wheel-chair. And when he could not, he sent his grand-daughter, also a film director, or his son, a producer, or wrote welcome messages. He must have known that he was also loved and awaited here and brought almost all his latest movies to Moscow to be screened at the Festival. Even when he was too ill to work and had to entrust the directing to his pupil Yasuhiro Yamamoto, he made sure that Muscovites would see «The Battleship on the Ground» which he wrote.

«Kuroneko» is not the most famous of the director's works, but it has many of the qualities that were most important for Shindo in cinema.

Formally it should probably be classified as a «ghost story». But that is only its outward layer. At its heart is a passionate anti-war message. This was one of Shindo's main themes (it is sufficient to name «Children of Hiroshima», «Lucky Dragon No. 5» or the director's last movie «Postcard»). From the very first moment war is presented as natural disaster, as something meaningless. A dilapidated shack stands at the edge of the forest. Armed men appear from behind the trees. In silence they swarm all over the rivulet, flow into the door, get at the scant food, devour it, rape the two owners of the house and still in silence return to the forest. Who are they? What or whom are they fighting for? Is it really important? They are the locust, a natural catastrophe. For a moment it even seems that nothing irrevocable has happened, that the shack and its little world have survived intact, but no, the ominous smoke shows from under the roof. So. The mother and wife are killed, and for Shindo life is always associated with the Woman, but there still is their son, the Hero. This peasant, who had been taken to war right from the paddy field, became a hero only because he wanted to return home so badly and could not afford to die. His bravery was rewarded with a burnt house, a new resounding name, the samurai title and the right to risk his life for his lord, who showed bravery mostly within his household and mostly with females. So now he is entrusted with the task of eliminating the demons (his mother and wife have turned into supernatural beings) who for their part vowed to eliminate all the samurai.

What is the way out? «Kuroneko» do not provide an answer. Shindo gave one much later in «Postcard» when the Woman and the Man, whom war had driven to ultimate despair, started tilling a new field at the site of fire.

Maria Terakopian

TOMORROW

DOCUMENTARY COMPETITION

Dir. Andrei Griazev

The talk about any form of protest art in Russian comes down to the conclusion that so far there is more protest than actual art. This is not the case with Andrei Griazev. His film is a sample of «protest art» only formally, because of the choice of its protagonists. They are the activist of the art-group «Voina» (war) who single-handedly started criticizing the authorities long before the protests in December 2011. And that is not to mention protest rallies on the 31st of each month. Cinema-wise the film is made on a very high level.

Griazev starts with everyday-life, almost inti-

mate, sketches. A group of friends roused by the common idea of protest, plan another protest action. Since none of them has a straight job, they have to steal food in shops and dig up toys for their «enfant de troupe» Kasper at a city dump. They carried out several actions (the most successful being «Palace turnover» involving the overturning of a police car in the Dvortsovaya Square). As a result two activists were arrested and for a moment became known internationally (it is rumored that the bail was paid by the London street-art legend Banksy). Complete oblivion ensued.

Griazev's film is the last chance for the art-group «Voina» to be remembered as artists and not merely as a bunch of intellectual-looking loafers who happened to be considered victims of the authoritarian regime that put the artist on the federal wanted list.

«Voina» activists have already kicked up a number of scandals in the mass media outraged by Griazev's world view and even filed some protests to the law court demanding to ban public screenings of the film. A smart move by the artist who spurned this very law system with more than one violation of the law.

The film ends with the shot of Liteiny bridge from which a phallus created by the artist of the group overlooks the State Security Service building. But the real question is who said «fuck» to whom? Civil society to the authorities? With the Bolotnaya square, Sakharov Prospekt and the white movement. Or the authorities to society? With the detention of «Pussy Riot», dispersal of meetings and searches in the flats of opposition leaders.

As the protagonist of another very good movie used to say on totally different occasions «I'll think about it tomorrow».

Nikita Kartsev

FOUR SUNS/ CTYRI SLUNCE

GOOD, BAD, EVIL

Dir. Bohan Slama

– Your stories always take place not in a big city, not in the centre, but somewhere either on the outskirts or in the country...

– You can track down a meaningful story everywhere. I really like films which one way or another are linked with the place where the on-screen events take place. I'm not attracted by the so-called universal themes, which can be located anywhere you like. I like it when a film is connected with particular interesting people, with a landscape, with real life. Everywhere has its unique atmosphere. Further, I'm very lazy. To go out of my house even for just a few metres is hard work for me.

– Do you live in the country?

– In a little village. And of course I know everyone there very well. And so the casting was done quickly and easily: all the candidates were within easy reach. When I was writing the screen play and I had to think up some scene or other I simply recollected how my neighbours and acquaintances behave, and so everything was done very quickly, quite inexpensively, extremely effectively. Ordinary people, it seems, can be good actors. If you suggest that they play something it's natural for them, and it doesn't cause any problems at all.

– Have all the painful changes which have swept through our countries rubbed off on the life of your little village?

– I wouldn't say that anything is changing profoundly round us. I live in a very traditional part of my country, where there are still farms which were worked by grandfathers, great grandfathers, and great-great grandfathers... It's not as if there's something which happened globally, and so

everything changes all at once. It seems to me that the situation is gradually improving. I don't have the feeling that the new times have only brought destruction.

– A village is a rather conservative social organism. But what is there of «the good, the bad, and the ugly» in the deeply-rooted village way of life?

– Everything is determined by culture and upbringing. For instance, everyone knows that stealing is bad. Ancient and deeply-rooted traditions help people to support and preserve good relations. On the other hand, there also remain some, to my mind, comical and ludicrous conflicts between those who aren't capable of acknowledging someone else's right to their own opinion. Alas, in our national tradition there is also: «Just who does he think he is?!» Because «he» is not like «I» am. In the country people are very harsh in their judgements of others. Like as not, it's the same in Russia as well. And in our country the young people are fleeing from the villages. I studied in Prague for fifteen years, and so I see myself as a townsman, just like my wife. But ten years ago we upped sticks to this little village because we'd always dreamed of something like this. We live not far from the capital, about 90 kilometres, an hour's bus journey. Over these ten years 400 families have moved into our village, and lots of them have had children here. So life with us is starting once again. And nothing could ever make me move from here.

– In Four Suns a huge role is played by various stones...

– That's right, in many respects stones define my life.

– And what is the importance of the shaman figure in the film?

– Shaman Karel is a healer. You have a lot of people like that in Siberia. I'm not a shaman, I don't have those abilities. However, I know that there are such people, and I respect them. In each character in the film there's something that's very close to me, even in the women and children. It's the same in my attitude to Karel.

– How did you find all these amazing people – both the heroes in the film, and the people who play them?

– Well, I don't really understand that myself. It just sort of happened of itself. The father's not me. Naturally I weighed up people of my age, to see how they behave with children. I found in myself and in my behaviour numerous mistakes, and I also saw them in others. This character is not a specific person, but a combination of many characters. It's also a somewhat exaggerated image, completely imaginary. After all, it's a dramatic film.

– Do you think that miracles come true only for those people who believe in them?

– It's a question of hope. My son died in a car crash, and afterwards I wrote this screenplay... I just wanted to stay with him in some way. I'm not a believer, but I wanted to sense that his soul exists, has remained with me. It's not a matter of religiosity, but of hope.

– Do you believe in miracles?

– Just like all atheists. Some people fight with God, but theomachy also means that God exists somewhere or other. I'm an unbeliever in the sense that I don't belong to any religious denomination, not to any religion – I'm not a Christian or a Buddhist... I think that the soul has an existence which we should accept.

– But could people of the older generation put the young on guard about making mistakes?

– My experience is very simple. As parents we can only strive to do the best we're capable of. It's really simple: children watch us. Words don't have great significance in themselves. Children look and see everything we do, and how we do it. And if you truly love them, then there's always a chance that they'll accept you.

*Interview by Asya Kolodizhner and Peter Shepotinnik
Rotterdam-2012*

1. Александр Прошкин с сыном
2. Зигфрид и ПЕТР БУСЛОВ
3. Андрей Кончаловский и Юлия Высоцкая
4. Дино Динев и Леонид Верещагин
5. Андрей Смирнов и Андрей Звягинцев
6. Николай Хомерики и Александр Яценко
7. Сабина Еремеева и Александр Миндадзе
8. Жюэль ШАПРОН
9. Василий СИГАРЕВ
10. Татьяна Яковлева и Владимир Хотиненко

25 ИЮНЯ / JUNE, 25

11:30	Карандиру / CARANDIRU	Октябрь, 9	146
13:00	Невидимая война / INVISIBLE WAR	Октябрь, 5	95
13:00	Необычный роман / A CERTAIN ROMANCE	Октябрь, 7	92
14:00	Санта Ник / ST. NICK	Октябрь, 4	89
14:00	Весёлая вдова / THE MERRY WIDOW	Октябрь, 6	99
15:00	Русская зима / RUSSIAN WINTER	Октябрь, 2	94
15:00	Таблоид / TABLOID	Октябрь, 5	88
15:00	Доктор Кетель / DR. KETEL	Октябрь, 8	80
15:00	Мы – вундеркинды / AREN'T WE WONDERFUL?	Октябрь, 9	108
15:30	Еврей Зюсс / Харлан – в тени Еврея Зюсса / JEW SUSS / HARLAN: IN THE SHADOW OF JEW SUESS	Октябрь, 7	198
16:00	Разорванный занавес / TORN CURTAIN	Октябрь, 4	128
16:30	Абу, сын Адама / ABU, SON OF ADAM	Октябрь, 6	101
16:30	День / DAY	Октябрь, 10	58
16:30	«Новое поколение СИНЕ ФАНТОМ» Часть 3 / «NEW GENERATION OF CINE FANTOM» PART 3	Октябрь, 11	88
16:45	80 миллионов / 80 MILLIONS	Октябрь, 5	102
17:00	Апостол / O APÓSTOLO	Октябрь, 1	84
17:00	Мир перед ней / THE WORLD BEFORE HER	Октябрь, 2	90
17:00	Ганнибал у ворот / HANNIBAL ANTE PORTAS	Октябрь, 8	103
18:00	Камилла Клодель / CAMILLE CLAUDEL	Октябрь, 9	175
18:30	Программа короткого метра / SHORT FILMS PROGRAM	Октябрь, 11	67
19:00	Завтра / TOMORROW	Октябрь, 2	90
19:00	Калифорнийское соло / CALIFORNIA SOLO	Октябрь, 4	94
19:00	Анна Болейн / ANNA BOLEYN	Октябрь, 6	133
19:30	Одинокий остров / LONELY ISLAND	Октябрь, 1	100
19:30	Почти невинные / ALMOST INNOCENT	Октябрь, 8	112
20:00	Желание / WISH	Октябрь, 10	99
20:00	Случайная связь / RANDOM ENCOUNTER	Октябрь, 11	80
20:00	170 герц / 170 HZ	Октябрь, 7	86
21:30	Птицы / THE BIRDS	Октябрь, 2	119
21:30	Графиня из Гонконга / A COUNTESS FROM HONG KONG	Октябрь, 4	108
21:30	Потерянные земли / LOST LAND	Октябрь, 5	73
21:30	Поцелуй женщины-паука / KISS OF THE SPIDER WOMAN	Октябрь, 9	120
22:00	Гольфстрим под айсбергом / GULF STREAM UNDER THE ICEBERG	Октябрь, 1	125
22:00	Ржавчина / RUST	Октябрь, 6	113
22:00	Любовь юного красавца / BISHONEN	Октябрь, 8	101
22:00	Америга / AMERIGA	Октябрь, 11	55
22:30	Четыре солнца / FOUR SUNS	Октябрь, 7	105
22:30	То, что надо! / HUNKY DORY	Летний Пионер	110

26 ИЮНЯ / JUNE, 26

12:00	Фортепьяно на фабрике / THE PIANO IN A FACTORY	Октябрь, 8	105
12:30	Любовь юного красавца / BISHONEN	Октябрь, 7	101
13:30	Серенада трех сердец / DESIGN FOR LIVING	Октябрь, 6	91
13:30	Быстро и без боли / SHORT SHARP SHOCK	Октябрь, 9	67
14:00	Чувственная математика / COLORS OF MATH	Октябрь, 2	60
14:00	Любовь к ненависти / LOVERS OF HATE	Октябрь, 4	93
14:30	Голая бухта / NAKED HARBOUR	Октябрь, 8	118
15:00	Потерянные земли / LOST LAND	Октябрь, 5	73
15:00	Если все... / IF ONLY EVERYONE	Октябрь, 7	92
15:00	Желание / WISH	Октябрь, 10	99
16:00	Ана-Бана / ANA BANA	Октябрь, 2	98
16:00	Поцелуй женщины-паука / KISS OF THE SPIDER WOMAN	Октябрь, 6	120
16:30	Шугарландский экспресс / THE SUGARLAND EXPRESS	Октябрь, 4	109
16:30	Пиросмани / PIROSMANI	Октябрь, 9	85
17:00	Здесь может быть ваша реклама / THIS SPACE AVAILABLE	Октябрь, 5	90
17:00	Двойное влечение / DOUBLE FIXATION	Октябрь, 8	96
17:30	Любовь / ONE LOVE	Октябрь, 7	99
17:30	Эстонская анимация / ESTONIAN ANIMATION	Октябрь, 10	120
18:30	Птицы / BIRDS	Октябрь, 11	71
19:00	В поисках шугармена / SEARCHING FOR SUGAR MAN	Октябрь, 2	83
19:00	Где мой родной язык? / WHERE IS MY MOTHER TONGUE	Октябрь, 4	61
19:00	Мечта олигарха / A DREAM OF AN OLIGARCH	Октябрь, 5	100
19:00	Магазинчик за углом / THE SHOP AROUND THE CORNER	Октябрь, 6	99
19:00	Расколотое небо / THE DIVIDED HEAVEN	Октябрь, 9	116
19:30	Все копы – ублюдки / A.C.A.B.: ALL COPS ARE BASTARDS	Октябрь, 1	110
19:30	Челюсти 3 / JAWS 3	Октябрь, 8	99
20:00	Инкогнита / INCOGNITA	Октябрь, 10	116
20:00	Трактористы-2 / TRACTOR DRIVERS-2	Октябрь, 11	84
20:00	Леди / THE LADY	Октябрь, 7	132
21:00	Секс ангелов / SEX OF THE ANGELS	Октябрь, 4	105
21:30	Конкурс короткого метра / SHORT FILM COMPETITION	Октябрь, 2	116
21:30	Программа документальных короткометражек / DOCUMENTARY FILMS PROGRAMM	Октябрь, 5	91
21:30	Фортепьяно на фабрике / THE PIANO IN A FACTORY	Октябрь, 6	105
22:00	Железное небо / IRON SKY	Октябрь, 1	93
22:00	Чертополох / IRONWEED	Октябрь, 9	137
22:00	Ижевская программа / IZHESK PROGRAM	Октябрь, 11	83
22:30	Виолета отправилась на небеса / VIOLETA WENT TO HEAVEN	Летний Пионер	110
23:00	Клип / CLIP	Октябрь, 7	100
23:15	Отбросы / JUNKHEARTS	Октябрь, 4	99

34 МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ ПРОВОДИТСЯ ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
34 MOSCOW INTERNATIONAL FILM FESTIVAL IS HELD WITH THE SUPPORT
OF THE MINISTRY OF CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION

СПОНСОРЫ 34 ММКФ / 34 MIFF SPONSORS

Mercedes-Benz

L'ORÉAL
PARIS

CARRERA & CARRERA
MADRID

InStyle

Коммерсантъ

HELLO!

WWW.KINOBUSINESS.COM
КИНОБИЗНЕС
СЕГОДНЯ

рамблер-касса